

на язык понятий и логических абстракций, т. е. систематически, без сожаления, разрушал им же созданный мир, вещь за вещью.

Хамелеонту вражда естеством всадися
 къ животнымъ, их же жало яда исполнися.
 Видя убо онъ змяя, на древо вехождаетъ
 и изъ усть нить на него нѣкую пушаетъ;
 Въ ея же концѣ капля, что бисерь, сияеть,
 юже онъ ногою на змяя управляетъ.
 Та повнегда вмиевѣй главѣ прикоснется,
 абие ядоносный умерщвлен прострется.
 Подобно дѣйство имать молитва святая,
 на змяя ветха изъ усть нашихъ пущенная;
 Въ ней же имя „Иисусъ“, якъ бисерь, сияеть,
 демона лукаваго в силѣ умерщвляет.
 Трепещуть сего бѣси, отсюду гонзають,
 чрезъ то заклинаеми гдѣ либо бывають.

Стихотворение это, читающееся в „Вертограде“ (лл. 297 об.—298), — типичный образец его, Симеона, поэтического мышления, его отношения к им же созданному миру вещей. От „гиероглифика“, от образа к „логической“ интерпретации этого образа — таково нормальное для Симеона движение его поэтической темы. Почти все стихотворения Симеона, независимо от их объема, построены по такой схеме; с редким постоянством ее воспроизводят и коротенькие двустишия, нередко встречающиеся в его „Вертограде“, и обширные „поэмы“:

Яко цвѣтъ селный скоро оцвѣтаеть,
 такъ человекъ вѣкъ свой преживает.
 (В., л. 90)

Колесо скрипящее путнику стужаетъ,
 человекъ же ропотный богу досаждаеть.
 (В., л. 423)

Левъ ввѣря низу падша никогда терзаетъ,
 грѣшника смирившася богъ не погубляетъ.
 (В., л. 457)

Не сила капли камень пробиваетъ,
 но яко часто на того падаеть.
 Тако читай часто научится,
 аще и не остръ умомъ си родится.
 (В., л. 536 об.)

Комаръ в нощи ко свѣщѣ горячей лѣтаеть,
 яко любовь к свѣтлости в себѣ соблюдаеть;
 Но елма ко огневи излише сближатся,
 безумнымъ неопаствомъ впад во огонь спалится.

Точнѣ оплавивши людие творяють,
 в свѣтъ вѣжества о бозѣ любовь простиряють;
 Но елма продерзливо тѣатся испытати,
 обыкоша в грѣхъ нѣкий, яко в огонь, впадати.

И тако сами себѣ убийцы бывають,
 яко выше силъ своихъ о бозѣ дерзають.
 (В., л. 574)